

СЕРГЕЙ ПЕТРОВ

КРЕСТОВСКИЙ

ЕЛАГИН

ПЕТРОВСКИЙ

ОСТРОВА НЕВСКОЙ ДЕЛЬТЫ

Всё о Санкт-Петербурге

Сергей Петров

**Крестовский, Елагин, Петровский.
Острова Невской дельты**

«Центрполиграф»

2016

УДК 94(470.23-25)
ББК 63.3(2-2Санкт-Петербург)

Петров С. Ю.

Крестовский, Елагин, Петровский. Острова Невской дельты /
С. Ю. Петров — «Центрполиграф», 2016 — (Всё о Санкт-
Петербурге)

В новой книге Сергея Петрова «Крестовский, Елагин, Петровский. Острова Невской дельты» продолжается рассказ, начатый в работе «На берегах реки Ждановки». Но теперь в фокусе внимания автора оказались, помимо Петровского, еще два острова – Елагин и Крестовский. За последние годы Петровский, а в особенности Крестовский острова кардинально изменились. Здесь возведены элитные жилые комплексы, территории, ранее занятые заводами, уступают место домам, построенным по индивидуальным проектам. На наших глазах все стремительно меняется. Читатель найдет для себя множество новых интересных деталей истории этих мест, неизвестных доселе широкой публике. А также, благодаря предоставленным автором фотографиям, представит себе современную жизнь островов. Искренняя любовь Сергея Петрова к своей малой родине делает его рассказ неформальным, эмоционально окрашенным, невольно заставляющим проникнуться отношением автора. Читайте, гуляйте, смотрите по-новому на хорошо знакомые места!

УДК 94(470.23-25)
ББК 63.3(2-2Санкт-Петербург)

© Петров С. Ю., 2016
© Центрполиграф, 2016

Содержание

За что мы любим острова? Вместо предисловия	6
Часть I. Петровский остров	11
Остров, где всё петровское	11
О названии и собственниках	13
Этапы освоения	16
Начало освоения	16
Деятельность Вольного экономического общества. 1801–1836 гг	17
Остров-парк, остров-ремесленник. 1836–1917 гг	18
Довоенный период. 1917–1941 гг	18
Спортивно-парковая зона. 1945–1990 гг	18
Между прошлым и будущим. Начиная с 1990-х гг	20
Петровский остров в итальянском стиле	21
Петляющий Тучков мост	21
Братья Щедрины	23
«Ёлка твоя что-то чахнет...»	25
От глагола «ждать»	27
Путаница с названием	27
Петровский дворец	30
Михей Бабурин против Николая Чихачёва	33
За что боролись?	34
Опыты Вольного экономического общества	36
«Древнее достояние императорской фамилии»	39
Знаменитые арендаторы 1830-х гг	40
Остров сдал, остров принял...	40
Подводная лодка Карла Шильдера	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Сергей Юрьевич Петров
Крестовский, Елагин, Петровский.
Острова Невской дельты

© Петров С.Ю., 2016

© ООО «РТ-СПб», 2016

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

За что мы любим острова? Вместо предисловия

*Как птицы, проходят, плывут острова Крестовский, Петровский,
Елагин...*
Н. Тихонов

Еще в 1830-х гг., посетивший Россию француз де Кюстин отметил любовь петербуржцев к отдыху на Островах и нашел этому объяснение. Он писал, что «район островов – одновременно и город, и сельская местность», а наличие «храмоподобных зданий» и близость к центру Петербурга «заставляет вас думать, что, находясь на островах, вы не покинули города». Да, в самом начале XIX в. разросшийся Петербург, заставил обратить взоры горожан на ближайшие пригороды, и Крестовский, Елагин, Каменный и Петровский острова оказались ближе всего к центру города. Это отличало Острова от прочих пригородов Петербурга. Не требовалось ни значительного времени, чтобы добраться сюда, ни особых средств, для того, чтобы весело провести день. Каждый петербуржец мог найти развлечения по толщине своего кошелька, необходимо было лишь нанять ялик, чтобы добраться из центра города по Неве (мостов ещё не существовало), а тем, кто победнее, – просто воспользоваться перевозом.

Особенно привлекали горожан трактиры: Немецкий и Русский на Крестовском острове, и «Любек» – на Петровском. При трактирах строились катальные горы, вдоль роц прокладывались прогулочные дорожки. Всё сопровождалось рекламой в печати. Вот, например, выдержка из «Полицейской газеты» за 1845 г.: «Содержатель гостиницы „Любек“ на даче Зверкова, близ Петровского моста сообщает, что он устроил при оной гостинице зимние горы, которые просит не оставить своим посещением. Там же можно получить в лучшем виде и вкусе разные кушанья, как-то: вафли, расстегаи и иностранные вина по сходным ценам».

Гостеприимностью трактиров поначалу активно пользовалась многочисленная немецкая колония, проживавшая в Петербурге, – названия «Немецкий» и «Любек» это подтверждают, – потом полюбили военные, отлучавшиеся на ночь и утром, к «первому барабану», возвращавшиеся на службу. Вскоре ощутила преимущество отдыха на Островах и аристократия. Возведя здесь удобные для обитания дачи, более похожие на дворцы, и разбив замечательные парки, она в случае надобности могла перенестись в центр города по делам или на бал в течение часа.

Однако свойство островов «пригород в городе» – важное, но не главное достоинство местности. Уникальная природа дельты Невы влекла горожан как магнит, ведь поездка на Острова являлась одновременно и приближением к морю. Низкие берега тонули в заливе, справа за рукавом Невы находилась пустынная поросшая лесом Лахта, слева – такая же пустынная, лишённая жилья оконечность Васильевского острова. Город оставался позади, и поэтический образ «плывущие острова» в этом смысле как нельзя лучше отражал действительность.

Удивительное сочетание суши, воды и неба воспели многие поэты. Вот, например, отрывок из «Весны на Крестовском» Саши Черного:

*Качается пристань на бледной Крестовке.
Налево – Елагинский мост.
Вдоль тусклой воды серебрятся подковки,
А небо – как тихий погост....*

И далее:

*Пестреет нарядами дальняя Стрелка.
Вдоль мели – щетиной камыши.
Всё шире вода, голубая тарелка,
Всё глубже весенняя тишь...*

Важной привлекательной географической особенностью Островов являлась и их ориентация в пространстве – почти строго на запад, что дает прекрасную игру воды и света в закатные часы. Солнце садилось прямо в залив, а через час-другой под возгласы восторженной публики всходило с противоположной стороны. На природе, в окружении воды это воспринималось по-особому, почти как чудо. Тысячи петербуржцев стекались июньскими вечерами на Стрелку Елагина полюбоваться закатами-восходами; часто действие сопровождалось музыкальным сопровождением, выстрелами шампанского, фейерверками...

«Зачем вам, русским, ездить в Баден-Бадены, – говорили тогда европейцы, побывавшие здесь, – ведь у вас есть такие прекрасные острова».

* * *

Каждый из группы Островов с самого освоения зажил своей жизнью, отличной от собратьев: элитарный – Каменный, демократичный – Крестовский, аристократический – Елагин, парково-промышленный – Петровский... Словно ожерелье, они играли разными красками, поэтому в XIX в. считалось нормой в выходной день объехать все Острова поочередно, находя на каждом из них какое-то оригинальное развлечение. Как справедливо заметила В.А. Витязева в книге «Каменный остров», Острова представляли собой систему «перетекающих парковых пространств, взаимно дополняющих друг друга». Неслучайно во время обустройства Большого Петровского парка на Петровском острове в 1830-е гг. император Николай I распорядился связать острова надежными мостами, дабы добираться из центра города можно было не только на яликах по рукавам Невы, но и пешком и конным ходом. При этом маршрут задал сам император: с дамбы Тучкова моста через Ждановский мост – на Петровский остров, далее по езовым дорожкам до Большого Петровского моста, потом на Крестовский остров, а затем уже на Елагин и Каменный.

Разумеется, никому и в голову не приходило использовать острова иначе, чем для отдыха. Исключением, и то весьма условным, являлся Петровский остров, имевший на своей территории как промышленные предприятия, так и дачи знатных особ. Впрочем, с началом капитали-

стической эпохи, поползновения застроить также и Крестовский остров не прекращались. Вот цитата одной из статей, опубликованной в 1910-е гг.: «Крестовский остров, под напором духа времени, нещадно вырубается и застраивается сараеобразными постройками. Уже недалеко то время, когда от него останется одно воспоминание».

Октябрьская революция прекратила нашествие «доходного строительства», а сама территория преобразилась. Здесь открыли ЦПКиО им. Кирова, построили стадионы, на безжизненном пространстве западной части Крестовского острова разбили великолепный парк Победы. Фактически это была социально-ориентированная городская территория, служившая всему обществу, или «образцовая база отдыха трудящихся», если выразиться словами постановления партии от 1934 г.

КАРТА

ОСТРОВА ПЕТЕРБУРГА

ОСТРОВА

1 Петербургский	6 Голодай
2 Аптекарский	7 Крестовский
3 Каменный	8 Елагин
4 Петровский	9 Вольный
5 Васильевский	10 Заячий

Нынешнее время в значительной степени перечеркнуло достижения трёх предыдущих веков: Крестовский превращается в элитный жилой район, Каменный – в район неприступных особняков, Петровский также застраивается, вытесняя промышленные предприятия. Лишь Елагин остров остается «островом отдыха». Не услышим мы уже из уст петербуржца и фразу, популярную в начале XX в.: «Поехал на Острова». Она во многом утратила свой смысл, ибо теперь нужно обязательно уточнять, куда конкретно. В жилые ли кварталы Крестовского острова или в парк развлечений «Диво-остров»? А может быть, на теннисные корты Каменного или в ЦПКиО на Елагин? Слишком мало общих черт осталось в некогда единой системе Островов, чтобы пользоваться терминологией столетней давности.

Очень изменилась и природа дельты Невы. Это уже не приближение к морю: Лахту и Васильевский остров застроили типовыми многоэтажками, дома нависают над водой, как со стороны Лахты, так и со стороны Васильевского, порой даже кажется, будто Малая и Средняя Невки стали уже и до новостроек можно дотянуться рукой. Это, конечно, абберрация, но от того, что город обступил Острова, романтический ореол в значительной мере покинул эти места.

Однако, несмотря на все эти изменения, петербуржцы по-прежнему любят свои Острова. В выходные дни в парках, на стадионах или в яхт-клубах Крестовского и Петровского островов всё так же многолюдно, а на Стрелке Елагина закаты всё так же прекрасны; «Диво-остров» бьёт рекорды посещаемости, а строители и архитекторы, участвующие в застройке части островной территории, всё требовательнее к своим проектам. И мы не оставляем надежды, что на каком-то этапе баланс между общественными и частными интересами, хотя бы на территории Островов, наконец будет найден.

В данной книге автор попытался отразить все эпохи жизни островов: Петровского, Елагина, Крестовского. Возможно, логично было бы в труд включить и историю Каменного, однако невозможно объять необъятное, да и написано о нём больше, чем о других. Не обошлось без субъективных оценок некоторых событий, происходивших на описываемых территориях, но, для книги, не являющейся справочным пособием, это допустимо. Хочу отметить многочисленных помощников, предоставивших материалы по исследуемой теме: знатока Петроградской стороны В.Д. Привалова, петербургского коллекционера В.О. Маркова, снабдившего автора уникальными фотографиями и открытками, заведующую библиотекой Кировских островов Н.Э. Завьялову, директора Дома ветеранов сцены Н.А. Чибиреву и сотрудников этого учреждения, старожилов-крестовцев В.И. Карлика, И.И. Боборькина, К.М. Немчинова, Л.А. Штак, олимпийского чемпиона по гребле О.С. Голованова, работников архивов и многих других.

Часть I. Петровский остров

Остров, где всё петровское

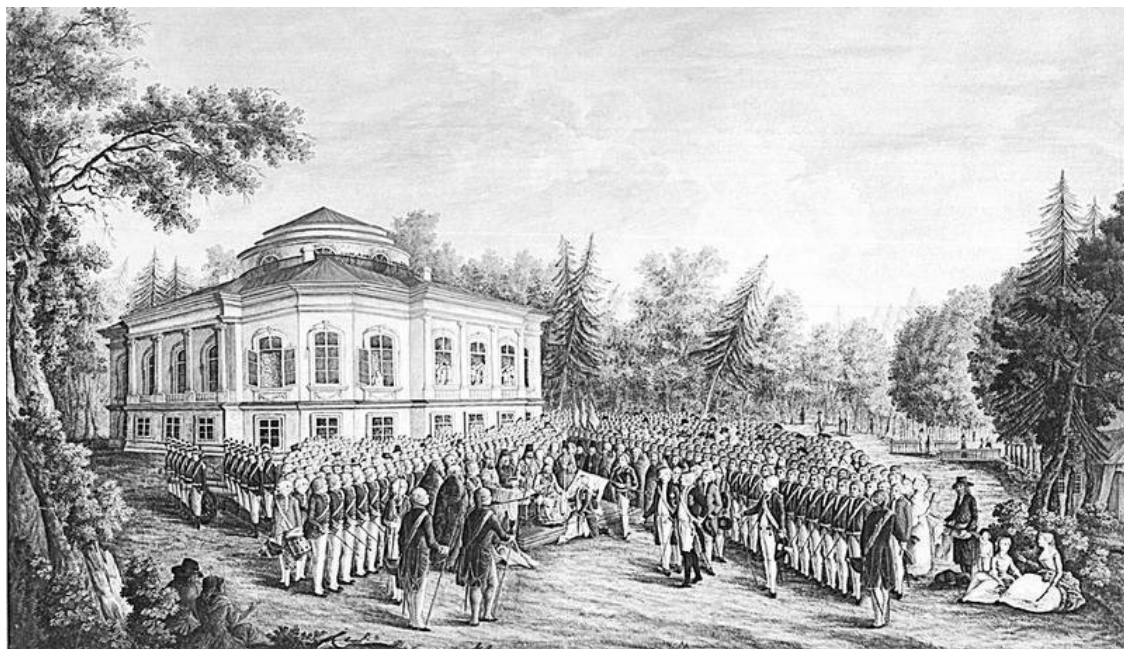
С юга речка Ждановка отрезает от Петроградской стороны большой кусок земли протяженностью 3 км и шириной 400–600 м, называемый Петровским островом. Во все времена остров считали неотъемлемой частью сначала Петербургской стороны, затем Приморского, Ждановского и Петроградского районов, не оставляя за ним самостоятельного административного значения. Пожалуй, фраза «мог бы, но не стал» более всего подходит данному месту, ибо функционального единства здесь так и не сложилось. Остров трудно назвать индустриальной зоной из-за расположившихся тут Большого Петровского парка, Дома ветеранов сцены, яхт-клуба, стадиона «Петровский». Язык не поворачивается назвать его и «островом-парком» из-за наличия многочисленных промышленных предприятий. Хотя, глядя на карту города, легко убедиться, что лучшего места для отдыха не придумаешь: система озёр, связанных с Невой, пересечённая местность, липовый и дубовый лес, прекрасный вид на Васильевский остров с южного берега, тихие воды Ждановки с севера... И это не где-то, а в самом центре города. Где, если не здесь, устраивать общегородской парк?

Его и обустроили в 1837–1840 гг. по указанию императора Николая I. Большой Петровский парк потребовал значительных вложений из государственной казны: одних дубов, лип, клёнов, вязов, елей и сосен в парке было высажено около 10 тысяч штук, не говоря уже о масштабных гидрологических работах по поднятию берегов и углублению водоёмов, в частности речки Ждановки. Рукотворные пруды на Петровском острове – также плод работы устроителей парка, превративших обширные заливы, врезавшиеся в берега, во внутренние водоёмы.

Петровский остров

Именно с конца 1830-х гг. остров стал считаться весьма престижным дачным местом. Земли, принадлежавшие Кабинету его императорского величества, активно сдавались в аренду, предприимчивые купцы строили на арендованных участках дачи. Так, в 1850 г. некоему купцу Макарову сроком на десять лет отдали на содержание 11 деревянных домиков с платой 500 руб. серебром в год; дело оказалось настолько выгодным, что в 1860-х гг. наследница, купчиха Макарова, сдавала уже 22 домика под дачи. Что собой представляли типовые петербургские дачи, в том числе на Островах, не без юмора описывал В.Р. Зотов в автобиографическом очерке «Петербург в сороковых годах». Дачи, по его словам, выглядели, как «карточные домики, без всякого приспособления к своему климату, с мавританскими и другими украшениями по наружному фасаду, но без малейших удобств внутри, с верандами и бельведерами, но без печей, с разными применениями к защите от солнца, которое так редко заглядывает в Петербург, но без всякой защиты от холодного сильного ветра, насквозь продувающего дачи в течение всего так называемого лета».

Вручение воинского знамени на Петровском острове. 1793 г.

Если бы остров оставался лишь дачным местом, быть ему вторым Елагиным или Крестовским, но одновременно с развитием дачной инфраструктуры появлялись и промышленные предприятия. Ещё в 1750-х гг. в восточной части заработал воскобелильный завод, затем открылись канатная фабрика Гота, пивоваренная «Бавария», химический завод Ждановых, завод искусственных минеральных вод (на территории городка Сан-Галли), многочисленные лесопилки. Купцы и заводчики, пользуясь дешёvizной земли, медленно, но верно отвоёвывали пространство у дач, а власти, препятствуя возникновению промышленных гигантов в центре города, охотно соглашались на их возникновение на периферии, к которой относился и Петровский остров. В советское время значительные территории на острове получили судостроительные предприятия «Алмаз» и «Спецтранс».

Ещё одна причина промышленного уклона Петровского острова заключается в том, что мест для отдыха в Петербурге в XIX в. хватало и без того: Елагин, Каменный, Крестовский острова, к тому же побережье в Петергофском направлении. В результате к нынешнему дню парк сохранился лишь в восточной части острова, близ стадиона «Петровский», и в западной – у яхт-клуба и Дома ветеранов сцены.

На данный момент Петровский остров – одно из немногих мест Петербурга, где пока ещё можно найти «островки» не ретушированной и не рассчитанной на туриста старины. В районе «Баварии», канатной фабрики или Дома ветеранов сцены не потребуется особого воображения, чтобы представить, как выглядел остров 100 лет назад.

О названии и собственниках

Едва ли на карте Петербурга найдутся места, где бы столь настойчиво увековечивали имя Петра. Практически все названия здесь «петровские»: Петровский проспект, Петровская коса, Петровский парк, «Петровский» стадион, Петровские мосты, Петровский бизнес-центр... А первоначально остров именовался Столбовым. Первый историк Петербурга А.И. Богданов охарактеризовал его как «величиною посредний, но весьма продолговатый», упирая на среднюю его величину и естественную продолговатость. Считается, что вытянутая форма и послужила поводом к названию и остров называли Столбовым. Версия весьма сомнительная. Даже поверх-

ностный взгляд на географическую карту показывает: Петровский остров на столб не слишком похож. Да и первоначальное финское название Patsas saagi можно трактовать не только как «остров-столб», но и как «остров-статуя». Изложим несколько версий. Самая невероятная из тех, что приходилось слышать, – это наличие некогда на острове языческого идола (столба) для поклонения. Факты опровергают данную версию. Попеременно владевшие этим местом русские новгородцы, шведы и финны были христианами, причём не только по названию, но и по мироощущению, поэтому никакое язычество в то весьма пассионарное время не смогло бы сохраниться в этих местах. Соответственно, и с атрибутами язычества поступали весьма сурово – их просто уничтожали.

Петровский остров в районе Мало-Петровского моста. Начало XX в.

С другой стороны, древний языческий памятник дохристианских времен, если и был когда-то тут поставлен (неолитические стоянки 3–5 тысячелетней давности на берегах Невы найдены в нескольких местах), едва ли смог бы долго простоять на острове, постоянно заливаемом наводнениями. Да и сомнительно, существовал ли вообще остров в столь отдалённое время. Некоторые гидрологические исследования показывают, что уровень реки Невы в то время был выше нынешнего и покрывал собой почти все острова дельты.

Другая версия о названии кажется более реалистичной. Возможно, на Столбовом острове находился навигационный знак в виде статуи или столба. Его наличие станет понятным, если представить характер островов дельты Невы того времени. Поросшие лесом острова мало отличались друг от друга (если смотреть с Финского залива) и напоминали ладожские шхеры, в которых судно вполне могло заблудиться. Или, во всяком случае, сбиться с кратчайшего пути. Для этого и ставили на островах специальные знаки, в частности на Столбовом (Петровском), поскольку мимо него проходил один из кратчайших морских путей из Финского залива в Неву, к крепостям Ниеншанц и Орешек. В пользу данной версии говорит тот факт, что, по утверждению одного из первых составителей петербургского адрес-календаря К.Н. Нистрема, в XVII в. на Столбовом острове проживали лоцманы, подрабатывавшие на проводе в Неву судов, пришедших с моря. Не исключено, что они и поставили знак-статую.

Как бы там ни было, название «Столбовой» забыли быстро. Остров стал Петровским, как только перешёл в собственность Петра I. Остальные острова дельты – Крестовский, Елагин, Каменный – Пётр пожаловал своим фаворитам, а вот Петровский оставил себе. По-видимому, в выборе «личного острова» сыграла роль близость к центру города, сочетавшаяся с другим очевидным преимуществом – остров западной своей частью врезался в Финский залив. В 1710-х гг. для государя построили охотничий, или увеселительный, домик, называемый А.И. Богдановым «дворцом Его Величества», хотя, по воспоминаниям современников, «дворец» представлял собой всего лишь тесные покои с минимумом мебели. Лес прорезала дорога-просека, которая в будущем станет Петровским шоссе, а ещё позже – Петровским проспектом; на берегах прудов и болотистых низин росла клюква. Олени находили себе здесь пищу, в тихих заводях плескалась рыба. Не сказать, чтобы часто, но Пётр свой остров посещал. Об этом имеются сведения в придворном журнале. «Пётр ночевал на Петровском острове» – гласит запись от 19 мая 1708 г.; «Пётр был на Петровском острове» – это сведения уже от 14 мая 1714 г.

После Петра I островом владели его сестрица, Наталья Алексеевна, и другие родственники царя, пока в 1733 г. императрица Анна Иоанновна своим указом не перевела Петровский остров из разряда частных владений в ведомство Дворцовой канцелярии. С этих пор и вплоть до 1917 г. остров принадлежал Кабинету его императорского величества. Анна Иоанновна иногда «охотиться изволила» на Петровском острове, но делала это нечасто.

Как выглядел остров в начале XVIII в.? Поросший невысоким лесом и кустарником, он едва-едва возвышался над уровнем моря, а потому был непригоден для серьёзного строительства. Глубоко вдававшиеся в берег заливы, впоследствии ставшие прудами Петровского парка, размывали берега, уменьшая площадь суши. Остров прорезала узкая протока, существовавшая в районе нынешнего Кадетского моста, так что, строго говоря, это был не один остров, а два – собственно Петровский и Безымянный. Лишь в 1837–1838 гг. во время масштабных работ по обустройству Большого Петровского парка острова соединили, засыпав часть протоки со стороны Ждановки, а другую – превратив в хорошо укрытую от ветров бухту. Позже в бухте разместится английский гребной клуб «Стрела», а в советское время – судостроительный завод «Спецтранс».

Речка, отделяющая остров от Петербургской стороны и известная ныне под именем Ждановки, называлась в прежние времена то Петровкой, то Никольской, а то и вовсе Болотной протокой. Имела она очень пологие берега, лишь после многочисленных подсыпок и осушений сформировались те крутые берега, которые мы видим сейчас.

Этапы освоения

Исследование истории Петровского острова позволяет выделить шесть основных этапов его развития (шестой этап ещё продолжается).

Начало освоения

Продолжалось со времен основания Петербурга весь XVIII в. Столетнее первичное освоение свойственно и другим островам Невской дельты – Крестовскому, Елагину, Каменному. Несложно понять, почему процесс затянулся на сто лет, если принять во внимание природные, гидрологические факторы. Дело в том, что в XVIII в. острова едва возвышались над уровнем воды, и лишь спустя годы в результате многочисленных подсыпок и осушений, а также естественного наслоения культурных слоев почву подняли на полтора-два метра выше «первобытного» уровня.

Поначалу же никакой серьёзной строительной деятельности вести было невозможно: для фундаментов копали каналы, они моментально заполнялись водой; любое, по нынешним временам ординарное, наводнение приводило к тому, что приходилось ремонтировать все постройки и расчищать парки от наслоений ила. Поэтому освоение и застройка шли параллельно с возвышением почвы, а дело это, как показывает история, не быстрое.

После Петра I Петровским островом владели его родственники, пока, как уже говорилось, в 1733 г. Анна Иоанновна своим указом не перевела остров в ведомство Дворцовой конторы. В конце 1830-х гг. здесь размещается магазин «мундирных вещей», а в 1770-х гг. рядом строятся масляные и пеньковые амбары. Склады и амбары – это вообще визитная карточка всех небольших островов дельты Невы. Погрузка и разгрузка с островов очень удобна, а регулярно случавшиеся в Петербурге пожары были не так опасны в местах, окружённых водой. Впоследствии выявились и другие преимущества: Городская управа, руководствуясь здравым смыслом и санитарными требованиями, неохотно давала разрешение на открытие предприятий в центральных районах города, а в начинаниях на островах не отказывала. Вот и несли сюда свои капиталы купцы, правда, поначалу ограничиваясь кустарными мастерскими и складами, да сдачей в аренду дач.

Петровский остров. 1894 г.

План Петровского острова. 1914 г.

Первым крупным предприятием, обосновавшимся на острове, стал Придворный воскобелительный завод. Открытый в 1750-е гг. на окраине нынешнего Большого Петровского парка завод поставлял свечи Императорскому двору. Учитывая любовь русской знати к праздникам и увеселениям, можно представить, какое количество свечей требовалось. Производительность завода исчислялась сотнями пудов изделий из воска в год, несколько раз он перестраивался, расширялся и превратился в 1792 г. из деревянного в каменный. Просуществовало предприятие почти девяносто лет, прекратив свое существование в начале 1840-х гг., во время обустройства Большого Петровского парка.

Деятельность Вольного экономического общества. 1801–1836 гг

Вольное экономическое общество (ВЭО), получившее землю по указу Александра I в западной части Петровского острова в 1801 г., внесло значительный вклад в освоение западной оконечности Петровского острова, до этого пребывавшей в первобытном виде. ВЭО получило землю под сельскохозяйственные эксперименты по выращиванию «диких культур» и, чтобы покрыть убытки от основного вида деятельности, стало сдавать летние дачи внаём, в основном высококордным особам. В 1825–1826 гг. возвели десять дач, которые получили барон Витте, действительный тайный советник П.Г. Соболевский, генерал-лейтенант Е.К. Карнеев, будущий министр финансов Ф.П. Вронченко, генерал-адъютант К.А. Шильдер, доктор К. Задлер и другие. Собственно, с середины 1820-х гг. и началась «дачная эпоха» Петровского острова.

Полученная прибыль, во-первых, позволяла ВЭО сводить концы с концами, а во-вторых, помогала осваивать территорию, которая после каждого серьёзного наводнения приходила в полный упадок. Больше двух-трех лет культуры здесь не произрастали – следовало новое наводнение, и всю работу приходилось начинать заново: расчищать сады от ила, опять высаживать вырванные с корнем кусты и деревья.

За тридцать пять лет деятельности на Петровском острове Вольному экономическому обществу удалось привести в приемлемый для обитания вид территорию в районе современной Петровской площади и яхт-клуба. Построили пристани, оборудовали набережную вдоль Малой Невки. Чего это стоило, можно понять хотя бы по такому факту: генерал Е. Карнеев для возвышения почвы вынужден был уложить возле своей дачи на берегу Малой Невки 600

барок строительного мусора (мусор доставляли по воде из города), что составило солидную по тем временам сумму в несколько тысяч рублей.

Остров-парк, остров-ремесленник. 1836–1917 гг

Император Николай I своим указом в 1836 г. вернул западную часть острова своему Кабинету. С тех пор остров развивался в двух направлениях – как остров-парк и как промышленная площадка. В 1837–1840 гг. по личному указанию Николая I в восточной части разбили Большой Петровский парк, по затратам казны превосходивший все парки города того времени. В это время была создана водная система взаимосвязанных прудов, с ездовыми и пешеходными дорожками по берегам, высажено огромное количество ценных хвойных и лиственных деревьев.

Тогда же центральную часть острова постепенно оккупировали промышленные предприятия. Хотя фабрики обосновались в этом месте ещё с конца XVIII в., в частности канатная фабрика Гота (1801 г.), серьёзное развитие они получили именно в середине XIX в. С 1864 г. на Петровском острове началось производство пива знаменитым российско-баварским предприятием «Бавария».

В западной части острова, в районе нынешней Петровской площади, обустроенной до этого Вольным экономическим обществом, начиналась «территория дач». Получался этакий слоёный пирог из парковой, промышленной и дачной зон, пока в конце XIX в. и западная часть острова не отошла почти полностью к промышленным предприятиям, в частности к нефтеочистительному заводу Ропса.

Начало XX в. ознаменовалось открытием на Петровском острове двух общественно значимых заведений: Убежища для престарелых сценических деятелей и Земской учительской семинарии (в виллах Сан-Галли). Благодаря парку, дачам, семинарии и Убежищу баланс между парковой и промышленной зонами сохранялся до 1917 г.

Довоенный период. 1917–1941 гг

Вплоть до начала Великой Отечественной войны, остров как бы продолжал по инерции своё дореволюционное развитие. Заводы продолжали выпускать ту же продукцию, что и прежде, но под новыми вывесками, в частности «Бавария», ставшая «Красной Баварией», производила пиво и квас; в дачи и виллы вселили постоянных жильцов, в основном рабочих местных заводов; престарелые актеры продолжали жить в Убежище, которое теперь именовалось Домом ветеранов сцены. В развитие Большого Петровского парка власти возвели в восточной его части стадион им. В.И. Ленина. На берегу Малой Невы открыли судостроительный завод «Алмаз», который огородил значительное береговое пространство, а на окраине Петровского парка, в протоке между прудами, в 1920-х гг. основали завод «Спецтранс». От парка в пользу завода отрезали значительную территорию.

Спортивно-парковая зона. 1945–1990 гг

В годы войны остров серьёзно пострадал от вражеской авиации, многие дореволюционные постройки были разрушены, в частности, стоявшие на окраине Петровского бывшие виллы фабриканта Сан-Галли. Полностью разобрали на дрова стадион им. В.И. Ленина, пострадали судостроительные заводы.

Петровский остров. 1933 г.

В начале 1950-х гг. главный архитектор Ленинграда Н.В. Баранов разработал концепцию развития города, которая предполагала создание огромного городского парка от Кронверка до Финского залива, проходящего через Петровский остров. «Этот парк, – говорилось в концепции, – мощным зелёным стержнем пройдет по центру города, занимая территорию Кронверка, нынешнего городского питомника и Петровского острова. Парк будет иметь протяжение 6 километров, общая площадь 200 гектаров... Территория парка на Петровском острове будет носить спортивный характер. Здесь строится стадион Судостроителей (названный в итоге стадионом им. В.И. Ленина. – С. П.), западная часть парка, выходящая к Финскому заливу, будет связана с водным спортом (пляжи, яхт-клубы)».

Увы, в полной мере план Баранова не удалось реализовать, однако Петровский остров в целом развивался в русле этой идеи. К началу 1960-х гг. в восточной части острова вокруг заново отстроенного стадиона им. В.И. Ленина сформировалась парково-спортивная зона, состоявшая из собственно стадиона, открытого плавательного бассейна в пруду Петровского парка, стадиона «Балтика» на месте вилл Сан-Галли. Неподалеку находился стрелковый тир, а в западной части острова продолжал развиваться яхт-клуб, открытый в 1930-е гг. По сути, остров превратился в стадион, учитывая количество спортивных секций, работавших с детьми. Однако ни одно из промышленных предприятий с территории Петровского острова не вывели,

более того, в 1946 г. ввели в эксплуатацию новое крупное производство – гардинно-кружевную фабрику. Вся центральная часть островной территории, таким образом, принадлежала промышленности.

Видоизменился и Большой Петровский парк после реконструкции в середине 1960-х гг. Исчезли многочисленные деревянные постройки, заасфальтировали Петровский проспект, благоустроили берега Ждановки – их одели в гранит и диабаз. К сожалению, в это же время нарушили водную систему прудов, засыпав соединяющую их протоку.

Между прошлым и будущим. Начиная с 1990-х гг

Развал Советского Союза и наступившая деиндустриализация привели к тому, что ряд прежде процветавших предприятий Петровского острова сейчас находится в депрессивном состоянии. К настоящему времени жалкое зрелище являет собой фабрика «Канат», странное – «Бавария». Инвесторы не оставляют попыток выгнать несостоятельные заводы и застроить освободившееся место так называемым элитным жильём. В 2013–2014 гг. это удалось сделать с предприятием «Спецтранс», на месте которого возводится жильё, а также с гардинно-кружевной фабрикой. Высотное жильё острову, ширина которого 400–500 м, категорически противопоказано, однако только такое строительство интересно современным инвесторам. Не получим ли мы в результате подобного строительства вместо, прямо скажем, не украшающих город нынешних бетонных заборов и низкоэтажных корпусов ещё одну оконечность Васильевского острова – суетливую, бессистемную, тесную, также не красящую Петербург?

Уголок Петровского парка у Второго пруда. 2015 г.

Утратил остров и функцию острова-стадиона. Стадион «Петровский», прежде служивший всему городу, отдан футбольному клубу «Зенит». Клуб закрыл окружающую стадион территорию, в результате чего самая живописная часть Большого Петровского парка в районе Первого пруда оказалась недоступной для петербуржцев.

Петровский остров в итальянском стиле

Обучаясь в Академии художеств, молодой пейзажист Сильвестр Щедрин часто пересекал длинный и шаткий Тучков мост. Семейная мыза Щедриных в начале XIX в. находилась на Петербургской стороне, в районе богатой на сады Бармалеевой улицы, и путь с Петербургской стороны на Васильевский остров он хорошо знал. Переправляясь, Сильвестр часто задерживался на Петровском острове, миновать который было невозможно. Дело в том, что Тучков мост пролегал в то время иначе, чем сейчас: от Васильевского острова он шёл к Петровскому острову, к месту, где ныне располагается стадион «Петровский», и лишь затем пересекал Ждановку, выходя в створ Малого проспекта Петербургской стороны. Такое положение объяснялось тем, что несколько сот метров переправа пролегла по восточной оконечности Петровского острова, то есть по суше и мелководью, а это позволяло сократить надводную часть моста и снизить стоимость ремонтов, которые приходилось делать после каждого ледохода, меняя покосившиеся деревянные сваи.

Если находилось свободное время, художник гулял среди разбросанных вдоль берега судов и лодок, углублялся вглубь роши, минуя пруды и болотистые низины, иногда доходил до Придворного воскобелильного завода или канатной фабрики Гота. Жизнь острова уже тогда была суетливой и беспокойной: подвозили и увозили товары купцы со складов, причаливали и отчаливали суда, использовавшие берега в качестве пристани, или, говоря современным языком, бесплатной парковки; торговали добычей рыбаки, имевшие на острове семужьи заколы (закол – вбитие свай и установка сетей)... Сильвестр Щедрин всё это примечал, он подолгу простаивал на берегах или садился на борт старой барки и делал зарисовки.

Неудивительно, что, когда в 1811 г. встал вопрос о выпускной работе в Академии художеств, он недолго раздумывал над темой. Его программной работой стала картина «Вид с Петровского острова в Петербурге», хранящаяся ныне в Русском музее. Уже сам выбор темы продемонстрировал самобытность художника, решившего изобразить не центральные улицы Петербурга, не дворцы и парки, которые в основном и привлекали мастеров того времени, а тихие городские окраины. Успех не заставил себя ждать: картина принесла молодому художнику не только золотую медаль и право стажироваться за границей, но и славу высококлассного живописца.

Петляющий Тучков мост

Ныне Сильвестра Щедрина оценивают преимущественно по итальянским работам, ведь из 108 сохранившихся работ Щедрина на 47 изображены Сорренто и его пригороды. Однако не следует забывать, что в Италию Щедрин отправился уже известным художником. И в основном благодаря пейзажам Петровского острова. Эти пейзажи напоминают итальянские работы Щедрина, и вообще в пейзажах художников-классицистов того времени русская и итальянская природа мало различались между собой. Например, «Вид с Петровского острова в Петербурге» создает поэтически-идиллический образ города. На переднем плане изображены люди и деревья близ Тучкова моста, на втором – водное пространство, то есть Малая Нева и Ждановка, и лишь на дальнем плане – виды Петербурга, имеющие, надо признать, мало общего с реальностью.

С. Щедрин. Вид с Петровского острова в Петербурге. 1811 г.

Нет, очертания зданий легко угадываются, в том числе и склады пеньки, построенные архитектором А. Ринальди на Тучковом буяне, но они либо перенесены в пространстве, либо имеют иные пропорции в сравнении с реальными. Можно сказать, перед нами фантастический, воображаемый Петербург. Тучков мост как бы петляет по Неве, выбирая мелководье, и в конце концов выходит к Петровскому острову. Он действительно доходил до середины Малой Невы (плашкоутная часть) и поворачивал в сторону Петровского острова, где продолжалась его свайная часть, однако едва ли имел в точности такой вид, как изображён на картине. Учитывая, что художник писал картину в мастерской по памяти (после рисуночных заготовок на местности), такие погрешности объяснимы. Но не это главное. По канонам классического пейзажа того времени считалось, что точное воспроизведение реальности недопустимо, она считалась грубой, несовершенной, далёкой от райских красот, к которым следовало стремиться душе человека. Облагородить природу и должна была рука художника, и он изменял, идеализировал натуру в соответствии со своими представлениями красоты.

В этой связи возникает вопрос, можем ли мы на основе пейзажей Щедрина представить, как в действительности выглядел Петровский остров до его обустройства в 1830-х гг.? Положительный ответ на этот вопрос будет означать, что мы сможем себе представить облик острова и в допетровские времена, ибо ландшафт его к моменту написания картины не слишком изменился.

Ответ, думаю, будет положительным. Ведь если художники-классицисты, прорисовывая второй и третий планы, давали волю фантазии, то первый план изображали чаще всего достоверно. Именно на первом плане на всех картинах Петровского острова работы Щедрина, коих сохранилось ровно три, изображена природа острова: пересечённая местность, пышная растительность, причаленные к низким берегам лодки, громыхающие через деревянный Тучков мост повозки... Пусть Тучков мост в действительности и не петлял по Неве так, как показано на картине, но внешне выглядел именно так. На другой картине, относящейся к 1817 г., показаны Ждановка и Ждановский мост, справа – корпуса Второго кадетского корпуса и всё та же пересечённая местность. Таким в реальности и был когда-то Петровский остров с хвойной

растительностью в северо-восточной части и лиственной в южной, с многочисленными прудами и озерцами, с брусникой по берегам.

Но где же тот ровный как бильярдный стол остров, который мы видим сейчас? – спросите вы. Он появится позже, начиная приблизительно с 1838–1840-х гг., с момента обустройства Большого Петровского парка и значительной подсыпки местности в восточной части острова; при обустройстве корпусов Канатной фабрики, завода «Бавария», городка Сан-Галли, территории Убежища для престарелых актеров... В результате засыпали не только многочисленные пруды и болотистые низины и выровняли берега, но и в какой-то мере изменили ландшафт местности. О масштабах работ говорит хотя бы такой факт: на сравнительно небольшую по площади территорию Убежища (Дом ветеранов сцены) на рубеже XIX–XX в. привезли свыше 1000 возов строительного мусора, в результате чего местность оказалась поднята на 1,5 м.

Именно по этой причине картины С. Щедрина, несмотря на некоторую свою «итальянскость», ценны для нас, ибо дают более или менее достоверное представление о том, как первоначально выглядел Петровский остров. На счастье потомков, Сильвестр Щедрин из-за войны с Наполеоном попал «на пансионерство» в Рим лишь спустя семь лет после окончания Академии – в 1818 г., а потому успел оставить нам не только виды Петровского острова, но и немало других петербургских пейзажей.

Братья Щедрины

Если Сильвестр Щедрин изобразил в пейзажах романтическую сторону Петербургской стороны, то архитектор Аполлон Щедрин в посланиях брату в Италию – реалистическую. Интересные детали из жизни и быта Петербурга первой четверти XIX в. находим мы в его письмах. Среди прочего он передает, например, облик Петербургской стороны 1825 г., отмечая, что город теперь не узнать, «одна только наша родина Петербургская сторона остаётся в своём виде и всё так же грязна, как и прежде». Тому факту, что в России дороги – беда не только сегодняшнего дня, мы находим подтверждение в его письме от 5 июня 1826 г.: «У нас в Петербурге ещё в прошлом году вздумали по улицам положить под колёса доски вровень с мостовою, из этого вышло то, что лошади ломают ноги и улицы имеют вид в дождливое время пребезобразный – вода подливается под доски, доски хлябают... а денег убито, говорят, много, и тот, кто проект этот подал, уверил, что доски пролежат 20 лет, а они в одно лето насквозь прохутились...».

Почти вся информация о многочисленных членах семейства Щедриных, денежных делах, об Академии художеств и выставках, слухах и проектах отправлялась в Италию Сильвестру Щедрину от младшего брата. Сильвестр инициировал информационную направленность писем, а Аполлон добросовестно отвечал на запросы брата. Этим и интересны письма, дающие срез петербургской жизни 1820-х гг.

С. Щедрин. Автопортрет

В биографии братьев нет ничего удивительного. Сыновья выдающегося скульптора Феофоса Щедрина (1751–1825) просто не могли не пойти по стопам отца. Ещё бы, дети профессора Императорской Академии художеств имели возможность обучаться в ней, поступив вне конкурса. Старшего, Сильвестра, зачислили в Воспитательное училище Академии в 1800 г., девяти лет от роду, и он быстро обнаружил талант живописца. Поначалу роль наставника исполнял его дядя – известный пейзажист и профессор Академии художеств Семён Фёдорович

Щедрин, а после его смерти – М.М. Иванов и Тома де Томон. В Италии С. Щедрин раскрылся как блестящий реформатор архаичного классицистического пейзажа, недаром его очень чтят в этой стране. За надгробием художника ухаживают, а в 2007 г. на Вилле Фиорентино в Сорренто была открыта выставка его работ из собрания Русского музея.

Младший брат, Аполлон, также обучался в Академии художеств с 1809 г., но жилки живописца не обнаружил.

С. Щедрин. Петровский остров

Более того, многие полагают, будто бы и на архитектурном поприще Аполлон Щедрин не добился выдающихся результатов – мол, труженик, не более того! Едва ли это мнение верно, ведь именно архитекторы-труженики и построили Петербург. Петербург тихих улиц, мощёных переулков и приземистых доходных домов...

Практической деятельностью Аполлон не ограничивался. С 1828 г. в Академии художеств он вёл курс строительного искусства. В одном из писем он сообщает Сильвестру в Италию: «С будущего нового года учреждается класс для преподавания архитекторам в Академии строительного искусства, и преподавать оное будет твой покорнейший слуга, – и так я попадаю в свою сферу, достигаю того, чего желал всегда».

И всё же главное место в творческом наследии Аполлона Щедрина занимает реконструкция здания Двенадцати коллегий для Санкт-Петербургского университета, осуществлённая по его проекту в середине 1830-х гг. Ему же принадлежала идея знаменитого университетского коридора длиной почти 400 м, которая известна теперь не только студентам и преподавателям университета, но и всему миру по фильмам, в частности по картине «Осенний марафон».

Благодаря проекту Щедрина появились остекление аркады главного фасада, сад с чугунной решёткой вдоль него; был сооружен и белоколонный актовый зал университета.

«Ёлка твоя что-то чахнет...»

Однако вернёмся к письмам Аполлона Щедрина. После смерти отца они стали единственным источником информации для Сильвестра, живущего в Италии. В 1826 и 1827 гг. Апол-

лон пишет, что много работает, жалуясь на пронизывающие ветра: малоэтажная Петербургская сторона продувалась ими насквозь. У архитектора стали подозревать чахотку. Именно в это время А. Щедрин работал над постройкой дома № 5/2 на углу Ждановской набережной и Малого проспекта, то есть в месте, куда выходил в то время «петляющий» Тучков мост. Сохранившийся до наших дней дом являлся первым каменным жилым домом на набережной Ждановки. Как бы с некоторой завистью Аполлон пишет брату: «... ты, вероятно, всякой вечер бываешь свободен и можешь располагать своим временем, а у меня с 7-ми часов утра до 12-ти часов ночи беспрестанный занятия, кои требуют большой ответственности...». И повторяет свою любимую поговорку: «За Богом молитва, а за Царем служба не пропадают».

Летом Щедрины во главе с матушкой живут на семейной мызе на Бармалеевой улице, где не имелось тогда ни единого каменного дома, а сплошь дачи и сады. Впрочем, и вся Петербургская сторона была в те времена дачным местом: коров пасли в конце нынешней улицы Ленина и на Петровском острове; каждое утро трубил пастух, и набиралось порядочное количество скота, принадлежавшего жителям Большого проспекта и прилегающих улиц. В садах произрастали сирень, малина и смородина, а при некоторых особняках разбивались целые парки.

«Ёлка твоя что-то чахнет, а дубки славно растут», – пишет Аполлон, сообщая брату о судьбе деревьев, которые тот незадолго до отъезда посадил на мызе, а в письме о жарком лете 1826 г. Аполлон передает подробности: «Лето у нас такое как никогда не запомнят, жары ужасные, всё погорело, беспрестанно молятся о дожде, червь всё поел...» И в следующем письме: «На дачах в окрестностях Петербурга чуть не задохнулись от дыма, но теперь начались дожди и пожар потушен».

Но всё же главное в письмах – о картинах Сильвестра. Ими интересовались и желали купить многие; например, архитектор Огюст Монферран, да и сам император благоволил художнику, что заставило написать Аполлона брату: «Тебе нельзя приехать иначе, как окончивши картину для Государя императора... только если здоровье твоё позволит, в противном случае Его величество дозволит тебе на писать для него картину и здесь...»

Однако у Сильвестра не было недостатка в заказах в Италии, поэтому в Россию из его итальянских работ мало что попадает. Понимая ценность ранних петербургских работ брата, Аполлон начинает выкупать их. Так, в 1828 г. он выкупил картину «Вид Петровского острова» и утраченную к настоящему дню картину «Пароход». Возможно, Аполлон понимал, что брату недолго жить.

Смерть настигла Сильвестра Щедрина в 39 лет. Он так и не успел вернуться на родину, хотя и брат, и врачи рекомендовали ему север как возможный путь избавления от тяжелой болезни печени. Творчество С. Щедрина в значительной мере повлияло на более поздних пейзажистов – И.К. Айвазовского и А.И. Куинджи, а Италия вообще считает его своим. Ранние его работы с видами Петровского острова – весьма нечастый для живописи случай – ценятся ничуть не ниже его поздних итальянских работ.

Аполлон тоже прожил не очень долгую жизнь. Искусствоведы явно недооценивали его по причинам, о которых говорилось ранее, и поэтому письма в Италию опубликовали лишь в 1999 г. Однако для исследователей истории Петербургской стороны они столь же интересны, как и картины с видами Петровского острова его брата Сильвестра.

От глагола «ждать»

*Мы будем ждать на Ждановке:
Придёт, придёт пора,
Когда по речке Ждановке
Помчатся катера!*

С. Скаченков

Если бы не речка Ждановка, никогда не быть Петровскому острову островом. Неширокая и недлинная (около 2,2 км), она отрезала кусок суши от Петроградской стороны, и зажил остров своей обособленной жизнью, а вместе с ним все важные события делила и река. Например, когда в 1830-х гг. обустраивали Большой Петровский парк, углубили и Ждановку, а поднятый с её дна грунт использовали для возвышения Петровского острова; в 1960-е гг., во время очередного благоустройства островной территории, одели в гранит и Ждановку, а русло её спрямили, после чего речка стала напоминать рукотворный канал.

Любимым местом петербуржцев-ленинградцев на Ждановке являлась лодочная станция у Тучкова моста, существовавшая вплоть до 1960-х гг., а любимым маршрутом – путешествие на лодке вокруг Петровского острова. Однажды таким маршрутом проплыл писатель Алексей Толстой, в результате чего появился рассказ «Как ни в чем не бывало». Наконец, любимой (и, надо сказать, единственной) баней для жителей окрестных мест почти весь XIX в. являлись торговые бани Ивана Степанова (впоследствии – Ефима Овчинникова), располагавшиеся прямо на берегу Ждановки, в конце набережной.

Откуда пошло предание, что Ждановка – «любимая» речка самоубийц, сейчас уже трудно установить. Но некоторые случаи, подтверждающие данное мнение о ней, привести можно, хотя, конечно, до Обводного канала, в котором топились, по утверждениям историков, ежегодно до сотни несчастных, Ждановке далеко. Очень шумная история произошла в 1872 г. Банщик Емельянов, работавший в банях купца Соловьева (Малый пр., 4), пытался инсценировать самоубийство своей жены Лукерьи, утопив её в Ждановке неподалёку от бань, но преступление раскрыли. Блестящая обвинительная речь прокурора окружного суда А. Кони, произнесённая на судебном заседании в 1872 г. вошла в учебники юриспруденции и считается эталоном ораторского искусства.

Говорили, что часто топились рабочие с фабрик Петровского острова. Воды этой тихой речки располагали к трагическим решениям. Тихо, темно, не так страшно, как на Неве, где водные просторы гнетут; плюс к этому возможность постоять вечером в одиночестве, никем не замеченным. В 1921 г. на Ждановке, неподалеку от Тучкова моста, покончила с собой жена известного поэта Фёдора Сологуба. Сам поэт вскоре поселился напротив предполагаемого места самоубийства жены – в доме № 3 по Ждановской набережной.

Путаница с названием

Речку в разные эпохи называли по-разному: то Болотной протокой, то Никольской речкой, то Петровской, а название Ждановка закрепилось в петербургской топонимике в конце XVIII в. Откуда же оно пошло? Открываем первый попавшийся топонимический справочник и читаем: «В XIX веке землю на Петровском острове по берегу реки купили „ученые мастера“ братья Ждановы, построившие на этом участке „химико-аптекарский завод“. По их фамилии река стала называться Ждановкой...».

Сказать, что данная трактовка происхождения названия заблуждение – ничего не сказать! Ибо завод-то, Ждановы, на Петровском острове действительно основали, но лишь спустя несколько десятков лет после того, как название Ждановка утвердилось на картах города. Появились братья Николай и Иван Ждановы на Петровском острове в начале 1840-х гг.; старший, Николай, в 1838 г. окончил Технологический институт и вместе с младшим братом Иваном решил заняться «химическим бизнесом», основав химико-аптекарский завод. Однако к тому времени речка с именем Ждановка значилась на петербургских планах уже сорок лет – начиная с 1790-х гг. Братья в то время ещё не родились.

Никакого отношения купцы Ждановы к названию реки не имели. Откуда же оно появилось? В народе издавна ходила молва, что Ждановка получила своё имя от глагола «ждать» – то есть в честь ожидавших на её берегах девушек-воздыхательниц и чадолюбивых матушек. Дело в том, что на северном берегу реки, за небольшим парком (впоследствии его назовут Мало-Петровским), на Ждановской набережной располагались корпуса Второго кадетского корпуса. Впоследствии тут же разместился Дворянский полк и несколько военных училищ. Парк на правом берегу, за неимением другого места, и станет местом свиданий-ожиданий. Кадеты, юнкера, курсанты военных учебных заведений встречались здесь со своими матушками и возлюбленными, прогуливаясь по аллеям.

Выглядел «парк ожиданий» в старину иначе, чем сейчас: дубы и лиственницы помогали укрыться от любопытных взглядов, а цветы на шикарной клумбе в центре парка привлекали тех, кому укрываться было незачем. Здесь дарилось множество цветов и решалось немало судеб. Можно предположить, что подобный диалог происходил в XIX в.:

– Где будешь ждать меня?

– Как и прежде, на Ждановке!

Версия романтическая, чтобы быть правдивой, скажете вы? Полагаю, нет. От глагола «ждать» в русском языке образовалось в старину множество слов, в XVIII–XIX вв., когда появилось название Ждановка, все они были в ходу. Владимир Даль приводит такие примеры: имя Ждан – долгожданный ребенок; жданики – пироги, испечённые для званых, жданных гостей; ждательница – поджидающая женщина; жданье – ожидание... В это связи нас не должно удивлять и происхождение названия речки от столь часто употреблявшегося в старину глагола.

Река Ждановка. Названа так отнюдь не в честь братьев Ждановых

Мало-Петровский парк являлся в XIX в. местом ожиданий

Еще один повод для ассоциаций возник спустя 100 лет, когда в 1948 г. умер первый секретарь Ленинградского обкома А.А. Жданов. Стали думать, какому же району присвоить имя усопшего секретаря, потом решили для «увековечения» выбрать район, где уже имелись и речка Ждановка, и Ждановские улица и набережная. Новосёлы, въехавшие в этот район в 1950–1960-х гг., всерьёз полагали, что Ждановка – это в честь первого секретаря.

Петровский дворец

Трудно сейчас точно указать на Петровском острове место, где располагался первый увеселительный домик Петра I, возведённый в 1710-х гг., зато известно, что деревянный Петровский дворец Екатерины II, построенный в 1768 г. и простоявший до 1912 г., находился на месте нынешней Петровской площади. Деньги на его строительство в размере 13 300 руб. выделил Кабинет двора её императорского величества по указанию императрицы.

Дворец стал несомненным украшением местности, но не потому, что был как-то особенно красив, – судя по фотографиям и сохранившимся чертежам, его едва ли можно отнести к шедеврам зодчества, – скорее роль сыграло то, что вокруг дворца стали формироваться аллеи, а позже и улицы, и возникла окружённая садами Петровская площадь.

Пожалуй, это первый законченный ансамбль на данной территории. От придворцовой площади на север, к Малой Невке, и на юг, к Малой Неве, лучами расходились аллеи, вдоль которых разбили клумбы. Одна из аллей впоследствии станет Топольной улицей (ныне – ул. Савиной), сохраняются и другие аллеи-дорожки, пока в XX в. их не поглотит территория завода «Алмаз».

Вокруг дворца периодически прорывали каналы, служившие не столько украшению местности, сколько обеспечивали её осушение. Это не помогало, с каждым новым наводнением «регулярность» сада нарушалась, каналы заиливало, а засыпанные песком дорожки превращались в заваленные мусором тропы.

Петровский дворец. 1900-е гг.

Вокруг Петровского дворца в 1830-е гг. существовали каналы и пруды

Кто строил дворец? Считалось, что архитектором выступал Антонио Ринальди, однако данные относительно его авторства не нашли пока своего подтверждения. В РГИА хранится план дворца: круглый зал, по несколько комнат на каждом этаже, две лестницы в центральной части. Имеется и подробная опись состояния его покоев, сделанная во время передачи дворца в ведомство императорского Кабинета в 1836–1837 гг. В документе констатировалось, что первый этаж дворца каменный, второй – деревянный рубленый; крыша покрыта железом, часть стёкол разбита, и в целом состояние здания «весьма ветхое»; нижних покоев (комнат) – 6, верхних – 10. Лестница во дворце была наружная «о 36 ступенях», и ещё одна, внутренняя – «о 42 ступенях».

Вокруг дворца устроили парапет высотой в один аршин (71 см) «для удержания от затопления покоев частыми разливами воды»; печь во дворце изразцовая, потолок оштукатурен, полы крашенные. В описи дворцового строения подробно описано и состояние комнат, начиная от качества бумажных обоев (ими был покрыт коридор и часть комнат) до перечисления старых стульев из красного дерева.

В запасниках Русского музея хранится малоизвестная картина В.И. Молодецкого «Церемония вручения воинского знамени Корпусу чужестранных единоверцев в июле 1793 года». Интересна она как раз тем, что это событие происходило на Петровском острове близ Петровского дворца. На картине изображены парадные ряды кадетов (очевидно, из находившегося на Ждановке Шляхетского кадетского корпуса), архиерей, благословляющий коленопреклоненного командира Корпуса единоверцев, любопытные дамы, выглядывающие из окон дворца... Но занимательна картина не только этим. Дело в том, что Петровский дворец показан не с восточной стороны, как мы его привыкли видеть на фотографиях, а с северо-западной. С этой стороны фасад выглядит значительно интересней. Кроме того, сам дворец ещё не успел обветшать и выглядит действительно дворцом, в то время как на фотографиях, сделанных столетие спустя, это уже потрёпанное временем здание.

* * *

Без преувеличения можно сказать, что история Петровского дворца – это история борьбы Петербурга с наводнениями. С одной особенностью: наводнения на чрезвычайно низком Петровском острове были куда более разрушительны, чем в материковой части Петербурга. Как указано в отчете Вольного экономического общества о состоянии дворца за 1801 г., когда Общество получило дворец на свой баланс, «полы обрушены, место же, бывшее под садом, будучи изрыто ежегодными наводнениями, представляло собой одни заглохшие пруды и поросло кустарником...».

На «исправление дворца», расчистку и возвышение почвы, а также новую разбивку сада ушло, согласно бухгалтерии Вольного экономического общества, 8000 руб., к 1815 г. дворцовое строение вновь обветшало, но деньги на ремонт в размере 8697 руб. выделили лишь в 1817 г.

И вновь наводнения 1822 и 1824 гг.: 1822 г. – вода покрыла полы дворца на метр с лишним, наводнение в 1824 г. повлекло за собой и вовсе катастрофические разрушения – смыло печи, выбило окна, снесло крышу.

Вольному экономическому обществу, которому принадлежали Петровский дворец и часть Петровского острова с 1801 по 1836 г., пеняли на то, что оно привело дворцовое сооружение в плачевное состояние не столько какой-либо чрезмерной эксплуатацией, сколько отсутствием должных ремонтов после наводнений. Но у Общества просто недоставало средств на ежегодные ремонты, да и время брало свое. Сооружение изрядно старело.

Нельзя сказать, что по возвращении дворца Кабинету его императорского величества в 1836 г. его стали активно использовать для «придворных утех» – для этого существовали другие места; в частности, в 1822 г. по проекту К. Росси возвели пышный Елагиноостровский дворец. До Петровского ли острова было императорской семье? Поэтому, когда жарким летом 1912 г. дворец сгорел вместе с располагавшимися близ Петровской площади дачами, восстанавливать его не стали.

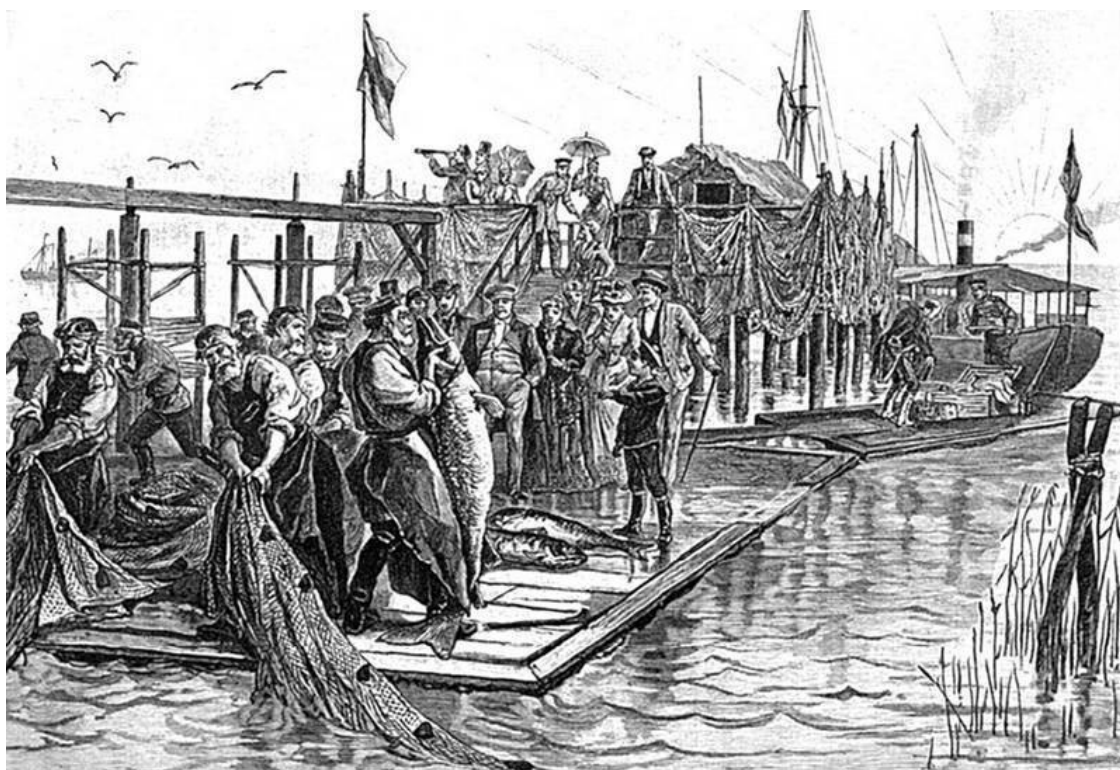
На следующий день после пожара «Петербургский обозреватель» сухо подсчитал все убытки: «В 6 ч. вечера загорелось в лесной бирже Любищева. Вследствие сильного ветра огонь быстро распространился и охватил пространство в 2¹/₂ десятин. Всего сгорело 30 домов, в том числе казармы пограничной стражи. В огне погибли более 10 чел. Вышли все 10 пожарных частей с резервами и 20 пожарными пароходами. Такого сбора всех частей не было с 1891 г., когда горела биржа Громова. Когда огонь охватил дворец Петра Великого, масса публики, солдаты пограничной стражи и пожарные бросились спасать ценные вещи. Удалось вытащить разрозненную мебель. В огне погибли письменный стол Петра Великого, обстановка „Круглой ротонды“ и „Китайской комнаты“ с роскошными старинными гобеленами и старинными снимками. Там же погибли кровать и складной шкаф „шута“ Балакирева. Рядовой, стоявший на часах у казармы пограничной стражи, не мог сойти с места и погиб в огне. Убыток исчисляют в 2¹/₂ миллиона рублей».

Михей Бабурин против Николая Чихачёва

Хотя Пётр I и построил себе охотничий или «увеселительный домик» на Петровском острове, но никто не слышал, чтобы он когда-то здесь охотился. Да и на кого было охотиться на островах? Зато Петровский остров славился местами для рыбной ловли. На Малой Невке ещё с конца XVIII в. отметили место для закола ниже Петровского дворца по течению реки. Закол разрешалось делать летом, но, как гласило предписание управы, «от берега Петровского острова отступя 30 сажень, для свободного прохода судов». Вбитые сваи при этом городские власти предписывали на зиму снимать «для свободного прохода льда».

Часть акватории Малой Невки со стороны Петровского острова до островка, расположенного на середине реки, сдавалась для закола в аренду, а на другой стороне реки со стороны Крестовского острова такой же рыбный промысел организовывал граф Разумовский. С одной лишь разницей: Разумовский, как законный владелец Крестовского острова никаких денег в городскую казну не платил, в то время как арендаторы на Петровском острове платили изрядные суммы.

Кроме закола, в западной оконечности Петровского острова, там, где ныне находится яхт-клуб, на песчаных отмелях располагались тони. Для тони обычно находили неглубокое песчаное место, где закидывали невод. Рыбачили на одном месте из года в год, тут же сооружали плот, на котором устраивался рыбачий домик, тут же сортировалась добыча. На тонях ловился преимущественно лосось, но в великом множестве попадалась и «посторонка», то есть дешёвая рыба: лещ, щука... От неё рыбаки избавлялись, продавая за копейки ведрами, а иногда за 20–30 коп. предлагали такое количество, какое покупатель мог унести в руках.

На тонях

Любимой забавой петербуржцев стало забрасывание «сети на счастье». Желающий измерить полноту своего счастья платил 3–5 руб. рыбакам на тонях (сумма варьировалась в зависимости от сезона), те забрасывали сеть, и весь улов, кроме особо деликатесной рыбы (осетра и стерляди), отдавался заказчику. Если сеть была полная, то, во-первых, уплаченная сумма оправдывалась, а во-вторых, счастья, согласно поверью, было много....

Нешуточные битвы за счастье порыбачить на Петровском острове разгорались и среди арендаторов. Так, 30 июля 1800 г. сам петербургский военный губернатор граф фон Пален разбирает конфликтное дело между купцом 3-й гильдии Михеем Бабуриным и действительным статским советником Николаем Чихачёвым. Они никак не могли поделить место для рыбной ловли на Малой Невке. Вероятно, высокий ежегодный улов заставил обоих претендовать на Петровские тони, поскольку ни для того, ни для другого рыболовство не было основным видом занятия. Михай Фёдорович Бабурин владел на Выборгской стороне укусным заводом (вплоть до 1952 г. нынешняя улица Смолячкова именовалась в честь него Бабуриным переулком), а Николай Матвеевич Чихачев был и вовсе знатного рода. Он служил в царствование Екатерины II в звании бригадира, был советником у директора Академии наук княгини Е.Р. Дашковой. В Петербурге имел собственный дом, а в Псковской губернии – 12 деревень. Возможно, по причине спора знатной особы с купцом и вёл разбирательство сам петербургский военный губернатор. В ходе разбирательства оказалось, что всему виной чиновничья ошибка: и тот и другой получили «билет» на одно и то же место рыбалки, только Чихачёв – в 1896 г., а Бабурин – в 1898 г. Пришлось властям искать дополнительное место для ловли.

Содержание тони на Петровском острове арендатором обходилось недешево – 350–400 руб. в год. Для сопоставления: за 150–200 руб. у Вольного экономического общества можно было на год снять двухэтажный дом на восемь комнат. Однако, несмотря на высокую арендную плату, уловы быстро покрывали все расходы арендаторов, принося в некоторые годы сверхприбыли.

За что боролись?

Так и хочется спросить, за что же боролись Чихачёв и Бабурин? Какая рыба ловилась на тонях, и шире – какая рыба была самой любимой у горожан? Ответить на этот вопрос довольно просто: предпочтения в разных слоях общества имелись разные – кто-то и вовсе обходился дешёвым лещом и щукой – однако неевского лосося уважали все. Как раз на Петровских тонях его и ловили в больших количествах. За один заброс сети попадалось иногда по 3–4 лосося. Вес в 5–10 кг считался обычным, но бывали особи и за 30 кг.

Газеты пестрили сообщениями – вероятно, несколько преувеличенными – о том, как огромный лосось утащил рыбака вместе с удилищем в воду и утопил его. Если же на тонях действительно попадались подобные особи, их прямо в сети убивали колотушкой.

Петроградский старожил В. Максимов писал в сборнике о петербургской жизни, что на тонях в Малой Невке как-то попался осётр весом в 6,5 пудов (104 кг); ему продырявили нос, проделали веревку и, по требованию зевак, за деньги вытаскивали на бревна для демонстрации. Зрители сочувствовали осетру, даже предлагали «выкупить ему волю», то есть за солидное вознаграждение отпустить рыбу. Расчувствоваться их заставляло то свойство осетра, что при выемке его из воды он обычно издавал тихие звуки, наподобие плача ребенка. «„Нем как рыбы“, – выражение не для осетра, – говорили зевачи».

Вытаскивая сети, рыбаки сразу отделяли «посторонку» от благородной рыбы; первую сбывать было непросто, но на «благородную» и особенно лосося спрос постоянно рос. Его покупали и рестораны, и магазины, и уличные торговцы. Выгоднее всего рыбу покупали в местах ловли, в частности на Островах – на Петровских и Крестовских тонях, а также в рыбной бирже. Цены на живую рыбу тут держались низкие: лососина 18–20 коп. за фунт (приблизительно

400 г), осетрина по 25–30 коп. за фунт; сиг стоил 20–30 коп. за штуку. Выше цены были у разносчиков рыбы, они носили её в кадках со льдом по всему городу, и хозяйки могли не беспокоиться о том, что к обеду не будет судака, осетра или леща. Разносчиками работали в основном молодые парни и девицы из крестьян, ибо труд этот требовал выносливости.

Как и в Кронштадте, много на Петровском острове ловилось корюшки. В мае на улицах можно было услышать такой диалог хозяек:

– Ах ты, батюшки, наконец-то корюшка подешевела. Я сегодня четверть пуда купила, и пожарить, и замариновать.

– А я корюшку брать перестала, у нас в семье не любят «тёплую». Хотя цена больно соблазнительна...

Да, избалованные рыбными деликатесами петербуржцы разбирали, какую именно корюшку брать: «тёплую» или «холодную». До начала мая, пока холода не отпускали город, корюшку называли «холодную», а со второй половины мая, с наступлением фактического лета, – «тёплой». Гурманы, коих в Петербурге находилось немало, утверждали, что «тёплая» не такая вкусная как «холодная». Те, кто победнее, возражал им: зато она крупнее и жирнее, а главное – дешевле. Вот и получалось, что на всякую корюшку, раннюю и позднюю, в Петербурге находился свой покупатель.

Всё это поясняет, почему на места рыбной ловли на Петровском острове спрос не исчезал весь XIX в. После Бабурина и Чихачёва арендаторы менялись часто, но никогда место не пустовало. А сразу после революции в 1920-е гг. на Петровской косе промышляла рыболовецкая артель.

Опыты Вольного экономического общества

Вольное экономическое общество (ВЭО) по указу Александра I обосновалось в 1801 г. в западной части Петровского острова. Общество стало первой организацией, извлекавшей из безвозмездно предоставленной ей территории коммерческую выгоду, банально сдавая построенные на собственные средства дачи в аренду, взимая плату за рыбный промысел, за покос травы и за многое другое. А ведь изначально задачи ВЭО ставились совсем иными. Созданное в 1765 г. по почину Екатерины II, оно занималось внедрением в сельское хозяйство новой агротехники, опытным выращиванием кормов, трав и садовых растений. Кроме того, Обществом предлагались всевозможные усовершенствования в других областях знаний. Среди известных деятелей его в разное время были видные ученые и организаторы А.А. Нартов, ЕР. Державин, Д.И. Менделеев, А.М. Бутлеров, П.П. Семёнов-Тян-Шанский...

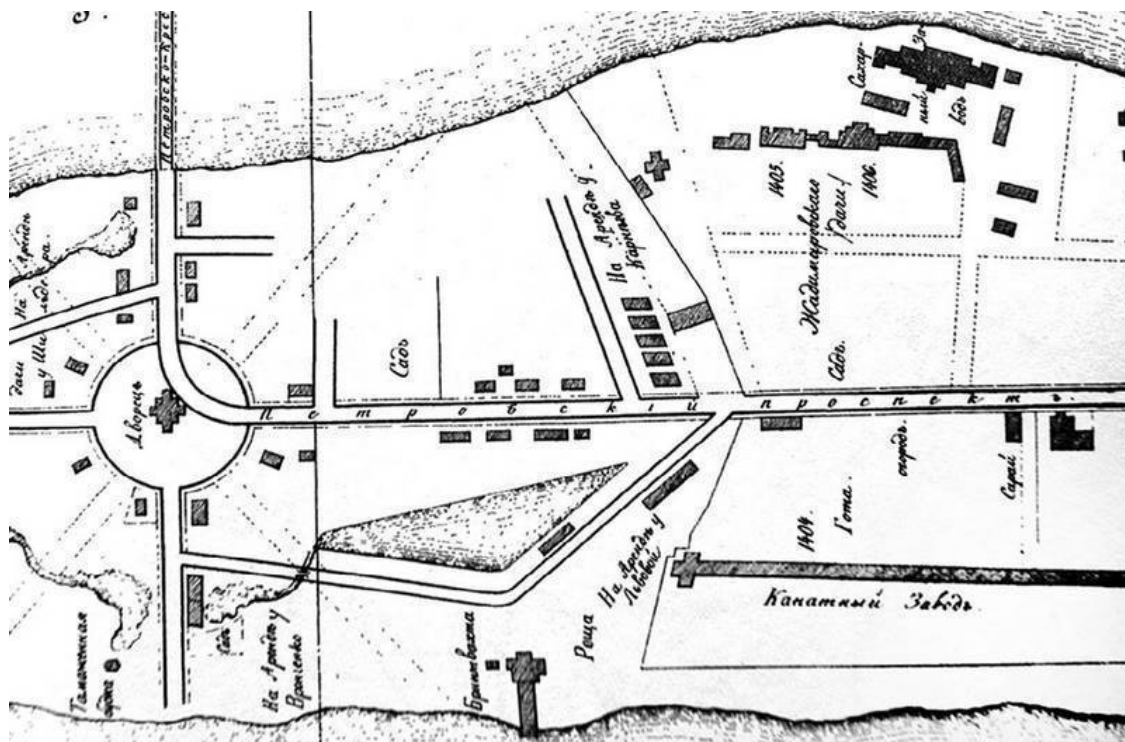
Этим же самым, т. е. выращиванием трав и огородных растений, первоначально занялось ВЭО и на Петровском острове. В первые годы высадили египетскую рожь, китайскую коноплю, табак, а также плодовые растения, как в грунте, так и в кадках. Всего эксперимент проводился над 54 культурами. Попутно осушались болота, строились парники и оранжереи, унавоживалась почва. В качестве агрономов на острове работали такие известные мастера своего дела, как Ф. Роггенбук и Д. Буш. С научной точки зрения успех их деятельности на острове был несомненным, поскольку многие новые для Петербурга культуры прижились и давали урожай, но какое тут сельское хозяйство, если остров каждую осень заливало водой! Как сводки с фронтов, сыпались отчеты о разрушениях, о вырванных с корнем деревьях, испорченном саде. По запискам Общества, три года подряд – 1801, 1802 и 1803 г. – Петровский остров полностью заливало водой. Гибель растений можно пережить, но наводнениями сносило плодородный слой почвы до такой степени, что на следующий год приходилось привозить землю заново. Её подвозили по воде в барках, а дело это не быстрое и не дешевое.

Но Общество не сдавалось. В 1806–1807 гг. огород обнесли насыпным валом, а вокруг выкопали канал, как сказано, «для осушения луга». В эти же годы в западной оконечности острова, приблизительно там, где сейчас яхт-клуб, разместилась артиллерийская батарея. Для её обустройства сняли слой дерна и вырубил кустарник, который хоть как-то препятствовал размыву почвы. В итоге ирригационные работы Общества были нивелированы и деятельность Общества на острове по-прежнему оставалась убыточной. Так, в 1813 г. доходы ВЭО от деятельности на Петровском острове составили 4235 руб., а расходы – 17 406 руб. Доход складывался от продажи плодов и растений (ячмень, рожь, виргинский картофель, табак, ревень, горчица и др.), а также от покоса травы – 560 руб., сдачи в аренду рыболовецкой тони – 450 руб. Львиную же долю расходов потянул ремонт Петровского дворца после очередного наводнения, а также сооружение парников и заборов. Кроме того, немалое жалованье платилось сторожам, садовым работникам и агрономам.

Словом, успеха в коммерческом выращивании новых сортов у Общества не было никакого. Тогда, видимо, и возникло желание покрыть убытки за счёт, как бы мы сказали сейчас, коммерческой недвижимости. Земля под дачи сдавалась с начала 1820-х гг., а в 1825–1826 гг. на средства Общества построили 10 дач, которые на протяжении десяти лет, пока землю у ВЭО не отобрали, сдавались в аренду.

Граф Н.С. Морозов – видный деятель Вольного экономического общества

Центральная часть Петровского острова. Первая половина XIX в.

С этого момента, т. е. с 1820-х гг., и началась настоящая «дачная эпоха» Петровского острова.

Не последнюю роль в коммерческом уклоне ВЭО сыграло то обстоятельство, что с 1823 г. его президентом назначили графа Николая Семёновича Мордвинова (1754–1845), предприимчивого и весьма либерального для своего времени деятеля. По-видимому, ему и принадлежала идея пополнения бюджета Общества за счет казённой земли на Петровском острове. Распространялись ли участки среди «своих», мы ещё порассуждаем, но тот факт, что аренда стоила недорого, следует отметить. За каждую дачу с участком бралась плата в 100–150 руб. в год, в то время как снять всей семьей хороший многокомнатный дом на лето в ином месте Петербурга стоило от 200 до 1000 руб..

Правда, впоследствии, когда арендаторы застроили участки на собственные средства и разбили сады, плата за землю увеличилась до 250–300 руб. в год. ВЭО выдавало разрешение на пользование землей на 20–22 года, после чего все выстроенные арендаторами строения по договору должны были быть отчуждены в пользу Общества. Подразумевалось, конечно, что аренда будет продлена и собственники жилья не лишатся своей недвижимостью. В принципе, так и получилось, с той лишь разницей, что арендодателем начиная с 1836 г., становится уже не ВЭО, а Кабинет его императорского величества.

Эпоха Вольного экономического общества для Петровского острова стала поистине золотым временем. Арендаторы везли на барках битый кирпич и строительный мусор, засыпая низины, пруды и болота на своих участках, и обустроивали свайные набережные, а К. Шильдером, П. Соболевским и Е. Карнеевым было возведены пристани близ своих дач, посредством которых осуществлялось сообщение с центром города. Так неразвита, депрессивная территория превращалась постепенно в сад, и дачи, выполненные с большим вкусом и изяществом, появлялись по берегам Малой Невы и Малой Невки весьма стремительно.

«Древнее достояние императорской фамилии»

Такая идиллия не могла продолжаться долго. Слишком очевидным становилось несоответствие между научными, «аграрными» задачами ВЭО и его практической деятельностью на Петровском острове. Опыты над растениями не приносили успеха, доходы Общество получало от владельцев дач.

Император Николай I, которому, кстати, принадлежала основная заслуга в превращении Петровского острова в остров-парк, в 1836 г. своим указом передал Петровский остров «как древнее достояние императорской фамилии» своему Кабинету. Вольному экономическому обществу вменялось в вину, что оно так и не развило настоящей деятельности по выращиванию сельскохозяйственных культур, а скатилось к коммерческой эксплуатации выделенной земли. Говорилось, что за 35 лет ВЭО мало сделало для развития основной своей деятельности, «хотя создано для споспешествования хозяйственных и земледельческих познаний».

Разумеется, обвинение несправедливо, однако никакие аргументы о наводнениях и чахлом неплодородном грунте не принимались. Не подействовало и письмо о том, что лишь для покрытия убытков ВЭО воспользовалось «расположением столичных жителей к проживанию в летнее время на Петровском острове» и лишь поэтому сдавало дачи внаём. Видимо, император к тому времени уже решил, что сдавать землю в аренду способен и его собственный Кабинет. Однако «дачное направление», заданное Вольным экономическим обществом, уже оставалось неизменным на протяжении всего XIX в.

Знаменитые арендаторы 1830-х гг

Остров сдал, остров принял...

В 1836 г. Петровский остров «как древнее достояние императорской фамилии» переходит под юрисдикцию императорского Кабинета. В этом смысле весьма интересны материалы дел по передаче Петровского дворца, островных строений и дач от Вольного экономического общества к Кабинету, ибо полная инвентаризация дает и полную картину того, что же представлял собой остров в первой половине XIX в., и кто здесь жил, и в каком состоянии находилась недвижимость.

Следует заметить, это редкая удача для исследователя, когда в одном документе содержатся исчерпывающие сведения о территории. Начальник хозяйственного отделения Кабинета его императорского величества статский советник Василий Николаевич Есипов, занимавшийся приёмом острова от Вольного экономического общества, позаботился, чтобы картина была исчерпывающей. В деле, хранящемся в Российском государственном историческом архиве (РГИА), собрана обширная переписка, подробное описание местности, характеристики жилых и нежилых строений. Помимо Есипова, приёмкой занимался архитектор Гольдберг и трое сопровождающих: унтер-офицер и двое рядовых.

После издания высочайшего повеления В.Н. Есипов направляет в сентябре 1836 г. председателю Вольного экономического общества графу Н.С. Мордвинову, а также арендаторам письма с просьбой допустить архитектора Гольдберга к «снятию на план дач», а также сообщить, кто, на какой срок и на каких условиях получил во временное владение участки. Просьба дополнялась желанием получить от арендаторов квитанции об оплате за арендуемую землю. Письма адресовались полковнику Корпуса горных инженеров П.Г. Соболевскому, тайному советнику П.В. Вронченко, генерал-адъютанту К.А. Шильдеру, генерал-лейтенанту Е.К. Карнееву и другим лицам, получившим земли от Вольного экономического общества в 1820–1830-е гг.

В ответных письмах владельцы участков не только подробно описали свою недвижимость, но и указали, во что им обошлось обустройство «болотистых низин». Так, генерал-адъютант К. Шильдер сообщал, что им по берегу Малой Невки для устройства набережной были вбиты два ряда свай, скрепленных скобами и обшитых досками. На обустройство 100 м набережной он потратил 2500 руб., да плюс к тому на поднятие берегов и засыпки низин вокруг дачи потребовалось завести 500 барок щебня и земли ценой 3000 руб. На набережной, как уже говорилось, находилась построенная Шильдером пристань для связи с центром города.

Сам участок Шильдера, полученный от Вольного экономического общества в 1832 г., располагался сразу за Петровской площадью, на берегу Малой Невки, и оказался одним из самых благоустроенных на острове. На берегу находилась большая дача с мезонином, срубленная из шестивершковых брёвен и насчитывавшая девять «чистых» комнат, людскую и кухню; чуть поодаль имелась другая дача, исполненная «во вкусе готическом», с оранжереями, а поблизости – две конюшни и два каретных сарая. По утверждению Шильдера, на постройку дач, оранжерей и сараев он израсходовал 21 500 руб., из которых 10 000 руб. пошло на большую дачу. При этом аренда земли для Шильдера составляла всего 250 руб. в год.

К.А. Шильдер

Статский советник В.Н. Есипов не удовлетворился лишь письмами от арендаторов, он проследил историю участков по документам Вольного экономического общества и по купчим, составленным до 1801 г. «Остров сдал, остров принял» – так и хочется поименовать это дело по приёдке Петровского острова Кабинетом его императорского величества.

Однако кем же являлись те первые арендаторы, разбивавшие сады на вчерашних болотах и устраивавшие пристани на низких песчаных берегах? Уже первое знакомство с их биографиями говорит о том, что это были весьма выдающиеся люди. Ни дачников, ни купцов такого калибра впоследствии Петровский остров уже не видел или почти не видел. Поэтому будет уместным познакомиться с ними поближе.

Подводная лодка Карла Шильдера

В сентябре 1840 г. от пристани близ дачи Карла Шильдера на Петровском острове (сейчас на этом месте территория института Лесосплава и Петровский бизнес-центр по адресу: Пет-

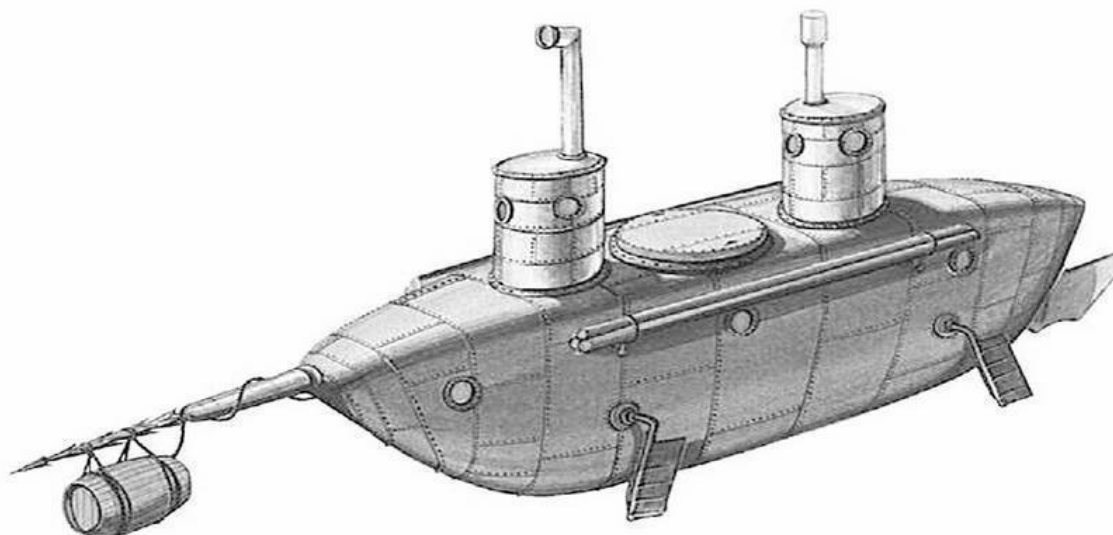
ровская коса, 1) отбуксировали на середину Малой Невки странный продолговатый металлический предмет, напоминающий капсулу, увенчанную двумя башенками. В фарватере речки, приблизительно на месте современного яхт-клуба, в капсулу погрузилось 8 человек, после чего она, пуская пузыри, стала медленно погружаться в воду. Когда капсула легла на песчаное дно, из воды торчали лишь верхушки башенок и оптический прибор, позволявший обозревать поверхность воды. Немногочисленные дачники да крестьяне с лукошками грибов с берегов Петровского и Крестовского островов с любопытством наблюдали, что же станет с экипажем капсулы. Капсула не подавала никаких признаков жизни, только время от времени на поверхности воды появлялись пузыри: это через выпускной патрубок выходил воздух.

Место, где когда-то находилась дача К.А. Шильдера

Через три часа металлический предмет всплыл. Восемь человек команды один за другим бодро выскочили через люк одной из башенок и на все вопросы, как, мол, и что, отвечали, что «стеснения воздуха не чувствовали». Так состоялось испытание первой в мире цельнометаллической подводной лодки Шильдера, намного опередившей своё время.

Начинал же свою военную карьеру Карл Андреевич Шильдер (1786–1854) отнюдь не на инженерном поприще. Боевое крещение получил в строю, в знаменитом Аустерлицком сражении 1805 г. И жизнь его сложилась ярко, под стать первому бою. В 1806 г. он получает чин подпоручика и начинает службу в инженерных войсках, где состоит до конца жизни. В 1811 г. Шильдер проводит работы по расширению крепости в Бобруйске, затем участвует в её обороне во время блокады польскими войсками. В дальнейшем служит в сапёрном батальоне, а с 1820 г. по приглашению великого князя Николая Павловича командует 2-м пионерным батальоном.

Подводная лодка К.А. Шильдера

Историки приводят интересный эпизод из жизни Карла Шильдера. В польском походе 1831 г., в боях при Остроленке, он получает ранение в ногу, но, невзирая на боль, опираясь на костыли, находится в гуще жесточайшей схватки.

Фортификация стала делом жизни Карла Шильдера, однако оригинальное инженерное мышление позволило ему добиться выдающихся результатов в, казалось бы, далёких от основной профессии областях. Так, используя идею Павла Львовича Шиллинга, он применил способ электровоспламенения пороха для подрыва подводных мин. Минами дело не ограничивается, «подводные опыты» так увлекают Шильдера, что, заручившись поддержкой высшего военного начальства, в 1834 г. он строит на Александровском заводе (ныне – «Пролетарском») подводную лодку собственной конструкции.

Обшивка лодки состояла из котельного листового железа толщиной около 5 мм, над корпусом выступали две башни с иллюминаторами, между башнями располагался люк для погрузки крупногабаритного оборудования. Лодка приводилась в движение вручную гребками, силами четырёх матросов. Каждый из гребков состоял из двух складывающихся лопастей, вращаемых рукоятью (через зубчатое зацепление) изнутри лодки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.